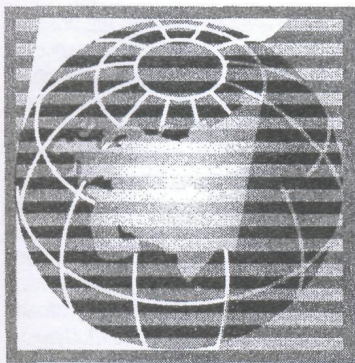

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПЕРЕХОД К НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Данный раздел открывается фундаментальной теоретико-методологической статьей Генерального Секретаря Совета МПА СНГ М.И. Кротова, в которой в качестве основы антикризисной стратегии рассматривается необходимость восстановления в России научного статуса политической экономики в широком смысле и ее традиционно важного для отечественной государственной экономической политики направления — политической экономики либерального консерватизма.

В статьях Н.В. Бекетова и О.В. Тарханова продолжено рассмотрение исторических, теоретических, цивилизационных, циклических и воспроизводственных аспектов сущности глобального кризиса, предложены стратегические меры по его преодолению.

Оперативный статистический анализ по состоянию на начало 2009 г. о влиянии глобального кризиса на страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) приведен в статье А.Н. Порунова и О.А. Тойшевой. В статье М.Р. Ахмерова дана текущая оценка влияния кризиса на российский рынок недвижимости.

Завершает раздел статья Р.С. Хакимова, в которой по новому раскрывается сущность российского федерализма как «народного федерализма», рассматриваемого в качестве базисного фактора укрепления современной российской государственности и усиления ее национальной безопасности.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА — МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНТИКРИЗИСНОЙ СТРАТЕГИИ

М.И. Кротов,

Генеральный секретарь Совета Межпарламентской Ассамблеи
Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург),
доктор экономических наук, профессор

В статье обоснована необходимость возрождения отечественной политической экономики либерального консерватизма, продолжающей традиции Б. Чичерина, П. Струве, М. Туган-Барановского, Г. Плеханова, Н. Кондратьева, И. Пригожина и других выдающихся российских теоретиков антикризисного направления. Современная политэкономика либерального консерватизма предполагает не метание от одной ценности к другой (от полного патернализма к абсолютному либерализму), а поиск оптимального сочетания государственного и частно-рыночного подходов в антикризисной программе. Мерой этого сочетания выступает долгосрочный результат социально-экономического развития.

Ключевые слова: политическая экономия, либеральный консерватизм, умеренно-патерналистская концепция, умеренно-либеральная концепция, антикризисная стратегия, экономическая теория, СНГ

Развернувшийся в настоящее время глобальный экономический кризис и необходимость выработки адекватной антикризисной политики в очередной раз показывает практическую важность теоретического исследования природы экономических кризисов, учета концептуальных позиций по этому вопросу экономистов прошлого и настоящего.

Теория экономических циклов и кризисов является важной составной частью общей экономической теории. Карл Маркс разработал теорию циклов и кризисов перепроизводства товаров и услуг, которые продолжают, хотя и в видоизмененной форме, несмотря на надежду на переход к «новой» бескризисной информационной экономике. Современная история подтверждает и правоту идей Н. Кондратьева о длинных циклах, связанных со сменой технологических укладов и радикальным обновлением всей структуры производства. Исследование финансовой истории последних лет позволило также обосновать и концепцию финансовых кризисов, базой которых являются относительно краткосрочные циклы возникновения и прорыва

«пузырей» в результате спекулятивного роста ценных активов в той или иной сфере рынка^{1,2}.

Нынешний глобальный финансово-экономический кризис соединяет в себе черты всех трех упомянутых выше кризисов. Он начался с прорыва пузыря в ипотечной сфере США, но перерос в общий долговой и инвестиционный, а затем и глобальный системный кризис, какого еще не знала мировая история. Многие экономисты и государственные деятели подчеркивают его импортный, для России и СНГ, характер. Так, С. Глазьев видит причину кризиса в саморазрушении финансовой пирамиды долговых обязательств США, которые печатают доллары, чтобы расплатиться по долгам и вовлекают в спекулятивный оборот новые обязательства, в т.ч. нефтяные контракты³.

Президент России Д. Медведев, выступая на Петербургском международном экономическом форуме (2008 год), показал, что «именно несоответствие формальной роли Соединенных Штатов Америки в мировой экономической системе ее реальным

возможностям и было одной из центральных причин текущего кризиса». При этом он обосновал необходимость реформирования глобальной финансовой архитектуры, в частности превращения рубля в одну из ведущих региональных резервных валют⁴. Идею создания сильных региональных резервных валют как противовеса монополии доллара, поддержали некоторые Президенты СНГ и Председатель Народного банка Китайской Народной Республики. Так, Президент Казахстана Н. Назарбаев убедительно показал, что сохранение эмиссии доллара в качестве мировой резервной валюты невозможно без согласования и контроля со стороны ее основных потребителей⁵. Таким образом, предложение российского руководства о том, чтобы в будущем мировая валютная система основывалась на мультивалютной корзине, включающей рубль, юань, другие сильные региональные валюты, осознается международной общественностью как важное внешнее условие преодоления кризиса. Обсуждается и идея создания в перспективе наднациональной супервалюты.

При этом политики и экономисты признают и внутрироссийские, а также внутренние для ряда стран СНГ причины кризиса, а именно высокую долю сырьевого экспорта, который подвержен особенно сильным конъюнктурным колебаниям, но именно он стал основой российского участия в глобализации, слабость российской финансовой системы и ее ориентацию на внешние заимствования, используемые к тому же по преимуществу для закупки активов, а не для коренной модернизации производства. В условиях кризиса, как отмечал выступая на Давосском форуме 2009 года Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, обостряется и общая для России «проблема развития ряда базовых рыночных институтов, прежде всего — конкурентной среды»⁶.

Есть и третья коренная причина кризиса — глобальный дисбаланс между реальной и виртуальной экономикой, характерный для всех развитых стран. Наиболее доходным сектором экономики оказалось не производство реальных товаров и услуг, а неконтролируемая и нерегулируемая эмиссия производных ценных бумаг (деривативов), разнообразные брокерские, посреднические, рекламные и другие операции, которыми в России и других странах СНГ занимались в основном нерезиденты. Все это наложило на падение спроса и насыщение рынков телекоммуникационной и компьютерной техники, на которой основан технологический уклад и повышающаяся фаза длительного цикла, начавшегося в середине XX века.

В современной экономической литературе предлагаются три основные программы выхода из кризиса. Умеренная либерально-монетарная концепция видит ведущую причину кризиса в избыточной ликвидности в экономике США, общем снижении доверия к развивающимся рынкам и чрезмерном, опережающем ВВП, росте непроцентных расходов российского бюджета, невозможности оценить производные финансовые инструменты, а вместе с ними — реальную стоимость портфельных инвестиций финансовых компаний⁷. Поскольку основные причины кризиса связаны с финансовой сферой, антикризисная программа содержит в основном монетарные меры — рекапитализацию банковской системы, ограничение денежной массы и бюджетных расходов, стимулирование спроса. Стратегической целью провозглашается снижение инфляции, цены кредита и восстановление темпов экономического роста, достигнутых в 2000—2007 гг. Прimitивный вариант этой концепции — вообще не предпринимать особых усилий, финансировать пособия по безработице, льготные кредиты и субсидии из резервных фондов, дожидаясь восстановления высоких нефтегазовых цен и прежнего уровня благосостояния. Однако Министр финансов России А. Кудрин, анализируя темпы снижения промышленного производства, роста безработицы и дефицита бюджета в начале 2009 г., заявил, что ждать этого восстановления в течение ближайших 3—5—10 и даже 50 лет не следует.

Вторая, умеренно-патерналистская концепция основана на кейнсианских идеях о стимулировании эффективного спроса посредством активной государственной политики. Она включает поддержку ликвидности банков с помощью льготных кредитов и выкупа «токсичных» активов, снижение налогов и прямые дотации при покупке отечественных товаров, госинвестиции в развитие инфраструктуры, науки и образования, рефинансирование долгов, льготные кредиты и госзаказ приоритетным отраслям и предприятиям. Программа Президента США Б. Обамы обращает особое внимание на поддержку финансовой системы, развитие альтернативной энергетики и новых технологий. Во Франции упор сделан на поддержку средне- и высокотехнологичных предприятий реального сектора при условии закупки ими отечественных

комплектующих изделий, в Англии — на частичную национализацию терпящих бедствие банков, в Китае — на строительство инфраструктуры и стимулирование спроса сельских жителей.

В условиях современного кризиса обе эти концепции подвергаются резкой критике. Американские экономисты Х. Мински, К. Рогофф, М. Рубини, П. Кругман и многие другие активно возражали против политики финансового дерегулирования, стимулирования долгов и эмиссии высокорисковых ценных бумаг, которая привела к кризису. В 2001 г. претерпела крах либеральная политика наращивания внешнего долга, повышения процентных ставок и экспортной ориентации в Аргентине (в 90-х гг. она навязывалась России как образец). В России Д. Львов, Н. Петраков, С. Глазьев и многие другие экономисты и политики (например, Ю. Лужков) решительно выступили против монетарного курса на отмену контроля за движением капиталов, вложения валютных резервов в иностранные ценные бумаги, замену госдолга внешними заимствованиями корпораций и другие меры, соответствующие «вашингтонскому консенсусу». Коренная модернизация российской экономики была отложена, а созданных взамен этого резервов, как показал опыт, хватит всего на пару лет. Азербайджан, к примеру, за годы высоких цен на нефть не создал значительных валютных резервов, но зато существенно развил свою инфраструктуру, не дав при этом своим предприятиям влезть в долги.

200 американских профессоров-либертарианцев опубликовали в феврале 2009 г. в Wall Street Journal письмо, оплаченное Институтом Катона, где работает А. Илларионов, в котором критикуется антикризисная программа Б. Обамы. Либертарианцы выступают за полный отказ от вмешательства государства в экономику, беспрепятственное банкротство испытывающих трудности банков и компаний, поскольку рынок нельзя улучшить и регулировать, риск хеджируется с помощью современных информационных технологий, а рыночные агенты принимают верные решения на базе своих рациональных ожиданий (Rational Expectation Hypothesis). Либертарианцев не смущает, то что страны с высоким «индексом экономической свободы» — Исландия, Ирландия, Сингапур, страны Балтии, Англия понесли наибольшие потери в годы нынешнего кризиса.

На наш взгляд, между умеренно-либеральной и умеренно-патерналистской концепциями нет антагонизма. Классическая теория А. Смита вовсе не отрицает вмешательства государства в экономику ради соблюдения справедливой конкуренции. Основатели неоклассики А. Маршалл, Н. Бентам, Дж. С. Милль стремились сделать политическую экономию инструментом социального реформирования с помощью государства, провоздвигая разумную макроэкономическую политику. С другой стороны, Дж. М. Кейнс возражал против огосударствления экономики. Поэтому антикризисная политика в России может и должна учитывать обе эти концепции.

В условиях глобального кризиса особенно важна консолидация усилий всех слоев общества на его преодоление. При этом необходима и конструктивная критика антикризисной практики, но недопустимо использование кризиса для разрушения государства. К сожалению, в последнее время пытается заявить о себе третья — радикально-фундаменталистская концепция, направленная на свержение действующей власти и создание принципиально новой экономической системы. Экономико-теоретическая основа ультралиберальных концепций разная, но политическая суть одна — уничтожение России, как самостоятельной геополитической силы. Основы этой концепции заложены З. Бжезинским, «великая шахматная доска» XXI века по мнению которого предполагает международный контроль за необходимыми всему миру ресурсами Сибири. К этому и приведет реализация предложений А. Илларионова, считающего господдержку как финансовых институтов, так и реальной экономики России бессмысленной и вредной, а массовое банкротство даже градообразующих предприятий и переход целых отраслей в зарубежные руки — полезным для экономики.

В современных условиях, на наш взгляд, необходимо возрождение отечественной политической экономики либерального консерватизма, продолжающей традиции Б. Чичерина, П. Струве, М. Туган-Барановского, Г. Плеханова, Н. Кондратьева, И. Пригожина и других выдающихся российских теоретиков антикризисного направления. При этом речь идет о «либеральном», понимаемом как свобода всестороннего развития личности, но не свобода стихийно рыночного регулирования. Иными словами политэкономия либерального консерватизма, как мы попробуем показать это в дальнейшем, направлена не на замену гнета человека со стороны государства на гнет денег, а на освобождение его и от государс-

твенного, и от рыночного принуждения при осознанной ответственности людей в рамках правового государства. На этой базе и создается концепция системного стратегического планирования, реализующего фундаментальные ценности, сформулированные Президентом РФ Д.А. Медведевым в послании Федеральному собранию 2009 г. Эта концепция обеспечивает не клановое, а государственное видение национальной экономики и ее места в глобализации, не догоняющее, а опережающее развитие на базе технологического прорыва с учетом особенностей российской национальной культуры. Такая концепция складывается с учетом работ экономистов, жестко и нередко справедливо критикующих проводимую политику, но в целях возрождения России, а не ее «великих потрясений»^{8,9,10}. Ряд статей на эту тему опубликован в журнале^{11,12}. Важное значение имеют работы Центра проблемного анализа и государственного управленческого проектирования¹³.

Впервые термин «политическая экономия» как название научной дисциплины был применен французским исследователем А. де Монкретьеном в «Трактате о политической экономии» (1615 г.), где он давал советы об управлении государственным имуществом. В дальнейшем политическая экономия рассматривалась как наука о законах развития общественного хозяйства, при этом хозяйство понималось как единое целое — хозяйство всех народов и эпох и на всех уровнях: от отдельного домохозяйства и предприятия до мирового сообщества, т.е. от субмикро- и микроуровня до мезо-, макро- и мегауровня. Поэтому политическая экономия выполняет не только познавательную и практическую, но и методологическую функцию по отношению к конкретным экономическим наукам, изучающим отдельные элементы хозяйства (труд, финансы, управление и т.д.) или его отрасли.

Предмет политической экономии понимают двояко. С одной стороны (этот подход преобладает в российской и континентальной европейской литературе), это наука об общественном богатстве, точнее — об общественных отношениях, в которые вступают люди в процессе производства и распределения этого богатства, об условиях и формах, при которых складываются и действуют эти отношения в различных обществах. С другой стороны (эта точка зрения характерна для англо-американской литературы), предметом экономической теории является поведение людей, использующих для достижения своих целей ограниченные средства, которые могут иметь различное употребление¹⁴. По российской и континентальной европейской традиции предмет экономической теории связывается преимущественно с правом, отношениями собственности, по англо-американской — с этикой, деловыми отношениями хозяйствующих субъектов.

В России политическая экономия имеет давнюю историю. Еще в 1858 г. И.В. Вернадский выпустил «Проспект политической экономии», в 1902 г. В.Я. Железнова, а в 1911 г. Д.И. Чупров — «Очерки политической экономии», позже М.И. Туган-Барановский в своей работе «Основы политической экономии» предложил концепцию развития национальной экономики России.

Однако в 90-х гг. XX века, несмотря на фундаментальные политэкономические традиции в русской экономической мысли, в нашей стране возобладал англо-американский подход к экономической теории. В массе переводной литературы, хлынувшей на российский рынок, он определялся термином «экономикс» (economics), означавшим набор знаний об экономических явлениях, не претендующий на их единую, сквозную оценку. Философской основой указанной концепции является позитивизм, предполагающий изучение фактов и использование для их анализа математических моделей, теории игр и т.д.

О принудительном насаждении нового подхода свидетельствовало и то, что многие кафедры политэкономии ведущих российских вузов были срочно переименованы в кафедры «экономической теории», «макрэкономии» и т.п. Хотя очевидно, что неправомерно называть одну из специальностей экономической теорией, отделяя ее от практики, а остальные экономические специальности — от теории. Но главное даже не в этом. Суть в том, что с внедрением нового подхода к экономической теории произошел разрыв между юридической и экономической науками. В России и странах СНГ преобладает континентальная европейская правовая система, базирующаяся на кодификации законов. Англо-американская же правовая система основана на прецедентном праве. Таким образом, массовая замена курсов марксистско-ленинской политэкономии экономиксом, начавшаяся по команде ЦК КПСС еще в последние годы существования СССР, в конечном счете привела не к возрождению традиционной для Западной Европы и Российской Империи политэкономии, а к навязыванию американского подхода

к экономической теории. Именно этим несоответствием правового (европейско-континентального) и экономического (американского) подходов в научном обосновании социально-экономических процессов в какой-то степени объясняется характерный для 90-х гг. XX века явный антагонизм между всесторонне обоснованной необходимостью формирования в России правового государства и чуждой ему практикой проведения радикальных экономических реформ в условиях отсутствия соответствующей законодательной базы, лишь на основе подготовленных чиновниками указов, инструкций, распоряжений.

В последнее время все возвращается на круги своя. Позитивистский метод ограничен, так как невозможно собрать все факты, и они не дают истины сами по себе. Анализ фактов на основе позитивистских логики и моделей не позволяет познать экономику как целое, как систему, а потому не способствует (и это подтверждается мировым опытом) выработке эффективной экономической политики. Диалектический метод, свойственный политической экономии, дает возможность более целостного изучения экономики, обоснования путей системной трансформации общества.

В XXI веке политическая экономия, аккумулируя фундаментальные знания, накопленные в прошлом, и адаптируя их к реалиям настоящего и будущего, должна перейти к многомерной классификации этапов развития общества (не только по общественно-экономическим формациям, связанным с характером собственности и классовой структурой общества). В ее предмет следует включить закономерности формирования интересов и предпочтений человека, развития его потребностей, проблемы ограниченности и дефицита экономических ресурсов. Современная политэкономия становится комплексной социолого-эколого-политолого-экономической наукой, использующей математические и графические методы, новые информационные технологии. Развитие хозяйства больше не может рассматриваться только как итог логического развертывания некой абсолютной идеи, как результат действия объективных, единых для всех стран и народов и не зависящих от воли и действий человека законов. Экономика теперь все более и более осознается как продукт процесса производства и потребления¹⁵, результат действий хозяйственных субъектов, обусловленных их интересами, их способностью познавать, систематизировать и использовать экономическую информацию. Таким образом, справедливо утверждение, что современная политическая экономия — это результат конвергенции узко-политэкономического подхода и экономикса.

В мировой экономической науке выделяются четыре политэкономические концепции. Их противоборство, с одной стороны, мешает выработке антикризисной социально-экономической политики. С другой стороны, без учета каждой из них выработка такой политики невозможна.

Классическая теория со времен А. Смита и Д. Рикардо исходит из того, что конкурентная рыночная система саморегулируется: колебание спроса и предложения, нормы прибыли и ссудного процента, соотношения цен и заработной платы автоматически приводит экономику в равновесное состояние, обеспечивает экономический рост, полную и эффективную занятость. Изменение государством денежной массы в обращении, налогообложения и т.д. в обычных условиях (когда нет войны, стихийных бедствий и других катаклизмов) влияет на общий уровень цен, но не на равновесный уровень национального дохода. Граждане при этом должны усердно работать, а государство, не вдаваясь в функционирование экономики, — охранять конкурентную систему, поддерживать покупательную способность денег и бездефицитность бюджета. При таком положении вещей революционных действий ни от народа, ни от государства не требуется.

Тем не менее, уже А. Смит, возлагая основные надежды на «невидимую руку рынка», не считал, что индивидуальные действия людей ведут к всеобщему благу. Он писал, что рыночная коммерция сужает ум человека, подавляет его способность к возвышению, усиливает хаос. Однако общественная собственность, как считали Ф. Хайек¹⁶, Я. Корнай¹⁷, М. Фридман и другие неоклассики, еще хуже, так как порождает иждивенчество, безынициативность, экономическое рабство, всеобщий дефицит. По мнению М. Фридмана, кризис 1929-1933 гг. в США возник лишь из-за ошибочных действий федеральной резервной системы, которая утратила контроль над денежным обращением и допустила резкое сокращение денежной массы. По Ф. Хайеку, ценовой механизм достоверно информирует индивидов о состоянии спроса, изменениях в предпочтениях потребителей, возможностях и новых средствах их удовлетворения. В итоге человек познает высшую ценность

— свободу, исключаящую подчинение воле государства, но сформировавшаяся с законами гражданского общества. Как полагал Г. Лукас, в ситуации неопределенности экономическое регулирование является бесполезным. Индивидуальные производители и потребители, реагируя на рыночную информацию, осуществляют действия, обеспечивающие необходимый переход экономики из одного состояния в другое¹⁸.

Однако в условиях глобального кризиса стало ясно, что информация, которой располагают рыночные субъекты для принятия решений, неполна и недостаточна. Нобелевские лауреаты 2004 г. Ф. Кидланд и Л. Прескотт показали, что денежно-кредитная система сама по себе не может изменить динамику развития экономики в соответствии с требованиями XXI века. Исследования не подтвердили выводы неоклассической теории рациональных ожиданий о том, что значения всех переменных, обуславливающих экономический рост или, по крайней мере, вероятность и риск их изменения, известны хозяйственным субъектам, а предложение труда определяется изменением ставок зарплаты. Некритически воспринятые в России в 1990-е гг. рекомендации МВФ о шоковой либерализации экономики с тем, чтобы свести государственное регулирование к монетарной политике, привели к невиданному в мирное время кризису и распаду высокотехнологических комплексов.

Стремление разрушить тоталитарную систему в России и других странах СНГ, уничтожить тоталитарное государство распространилось на государство вообще, что привело к его ослаблению, разрегулированию государственных органов и механизмов. Радикальным образом были ликвидированы мезоэкономические структуры — среднее звено управления: министерства, главки, научно-производственные и производственные объединения. Между тем, без сильного государства, основанного на праве, невозможно коренное преобразование политических, экономических, социальных и нравственных устоев общества. Только реформированное государство, не допускающее анархии, распушенности, эгоистического своеволия способно вывести экономику из глобального кризиса, создав новую систему макроэкономического и финансового регулирования на национальном, макрорегиональном (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, СНГ и т.д.) и международном уровне.

В последние годы нобелевские премии получили Дж. Стиглиц и другие экономисты, доказавшие, что в условиях неравномерности и неопределенности информации нельзя полагаться на рациональность индивидуальных решений, нельзя сводить политэкономию к оптимизационной деятельности «экономического человека», игнорируя при этом закономерности группового поведения, роль общественных производительных сил и государства». В условиях кризиса экономисты требуют «вернуть государство обратно»¹⁹. Даже американский финансовый спекулянт Дж. Сорос выступил против слепой веры в «рыночный фундаментализм»²⁰, показав необходимость межгосударственного регулирования глобальных финансов.

Марксизм — вторая по времени возникновения в индустриальную эпоху экономическая теория, впервые соединившая экономическую доктрину с теорией социального развития. В противовес классической теории марксизм провозгласил революцию главным средством перехода к новой общественной формации. Теоретической основой революции был объявлен закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Базой марксизма является теория прибавочной стоимости, согласно которой основной цены товара является общественно-необходимый труд, затраченный на его производство: наемные рабочие создают новую стоимость, которая больше стоимости рабочей силы, а разницу присваивает капиталист. Все другие факторы, кроме труда, не создают, а лишь перераспределяют прибавочный продукт в соответствии с законами сферы обмена, где косвенным путем (с помощью денег) и задним числом (по завершении производства) оценивается качество воплощенного в товаре труда.

Марксизм в дальнейшем исторически раздвоился. Одни последователи К. Маркса (представители социалистического интернационала) стали обосновывать возможность достижения социальной справедливости без революций, эффективной защиты трудящихся в рамках буржуазного общества, на основе консенсуса между работодателями и профсоюзами, гарантом которого выступает социальное государство. Их идеи сегодня находят воплощение в политическом курсе ряда развитых стран, например, в антикризисной модели скандинавского социализма. Другие последователи К. Маркса (представители

коммунистического интернационала) совершали революции, радикальным образом меняя общественное устройство. Однако в экономическом соревновании они проиграли.

Третья политэкономическая концепция — кейнсианство — берет свое начало в трудах Дж. М. Кейнса. Проведенный им анализ инфляции, безработицы и способов привлечения инвестиций показал, что рынок не всегда способен обеспечить макроэкономический рост. При этом нужны не революционные действия, а структурные реформы, позволяющие государству создать новые точки роста. Эту идею воспринял Ф. Рузвельт, «новый курс» которого помог США выйти из разрушительного кризиса 1929-1933 гг. (а по мнению радикал-либералов лишь затруднил этот выход). Государство, как координатор развития экономики, создало новую сеть хозяйственного взаимодействия с помощью систем общественных работ, бюджетного финансирования дорожного строительства, переподготовки кадров, реструктуризации фирм. Эту идею развивает антикризисная программа Б. Обамы.

В современной России экономисты РАН Л. Абалкин, В. Ивантер, В. Куликов, Д. Львов, Н. Некипелов, Н. Петраков и другие неоднократно, но до недавнего времени безуспешно выступали за коренное изменение экономической политики при сохранении командных высот в руках государства, за развитие системы государственных социальных гарантий на основе использования общественного имущества — коллективного достояния общества, переданного в хозяйственную эксплуатацию на конкурентной рыночной основе. Национальный дивиденд, включающий ренту от эксплуатации этого имущества и часть предпринимательского дохода, распределяется при этом между всеми членами общества.

Все более видные позиции в современной политэкономии занимает институционально-эволюционная теория, связанная с именами У. Гамильтона, М. Вебера, Д. Норта, Л. Уильямсона и других зарубежных ученых. Однако, как показал В.Т. Рязанов²¹, свой вклад в эту теорию внесли еще русские философы — С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, П.В. Струве и другие. В рамках этой теории экономика понимается как подсистема общества наряду с культурой, политической, демографической и экологической подсистемами, а экономический рост — как средство повышения качества жизни и творческой активности людей, а не как самоцель. Развитие общества определяется действием формальных (законодательных) и неформальных (добровольно принятых) отношений и фактов принуждения во взаимоотношениях между людьми²². Через них же реализуются системные функции экономики.

Институционально-эволюционная теория рассматривает неравномерные процессы, в т.ч. кризисы, как неотъемлемый элемент развития общества. При этом экономическая динамика служит средством социального развития, а способность хозяйственных субъектов к согласованному действию, доверие между бизнесом и властью — важнейшим ресурсом общества. Начиная с Й. Шумпетера, основой роста экономики признается создание и максимально быстрое освоение нововведений.

Современная политэкономия должна быть консервативна в том смысле, что использует достижения всех вышеуказанных теорий, не противопоставляя их друг другу. Выводы классической монетарной теории позволяют улучшить управление финансами. Подтвердились и предсказания К. Маркса о возрастании роли науки и других общественных производительных сил, нетоварных общественных благ, новых форм собственности. Весьма актуальны предложения неокейнсианцев о рациональном использовании принадлежащих обществу природных богатств, недопустимости их присвоения узким кругом олигархов, о государственном финансировании развития инфраструктуры. Что касается четвертой из указанных теорий, то первое место в обоснованной Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым концепции пяти «И», наряду с инфраструктурой, инновациями, инвестициями, интеллектом, занимают формальные и неформальные институты.

Во всех этих концепциях мы сталкиваемся с явной или скрытой борьбой консерватизма, основанного на эволюционном развитии, и радикализма, предполагающего полное, революционное отрицание старого. Так, в число последователей марксизма входят сторонники полярных идей — коммунисты-революционеры и социалисты-консерваторы. Среди монетаристов также можно выделить как радикальных сторонников «шоковой терапии», так и ее противников (даже М. Фридман — глава современных монетаристов — считал экономическую политику 90-х гг. в России ошибочной). Можно было бы привести и другие аналогичные примеры.

Поэтому представляется поверхностной трактовка консерватизма в ряде словарей как приверженности ко всему устоявшемуся, противодействия новому (в общественной жизни, науке, искусстве и др.)²³. На наш взгляд, современный консерватизм вовсе не отрицает необходимости качественных преобразований и радикальных нововведений. Речь идет лишь о том, что они должны быть результатом постепенных внутренних изменений, а не насильственного внедрения извне с помощью народного восстания или государственных распоряжений. Особенно это актуально для России, которая уже исчерпала свой лимит революций.

Развитой консерватизм предполагает постепенное движение от абстрактно-всеобщей к конкретно-всеобщей свободе, при которой свобода других, ограничивающая мою свободу, становится моей несвободой²⁴. Таким образом, современный либеральный консерватизм в экономике — это свобода хозяйствующих субъектов, ограниченная системой права. Например, хозяйственный договор (контракт), правила заключения и защиты которого устанавливаются и поддерживаются государством, ограничивает произвол, то есть абсолютную, неограниченную свободу агентов рыночной экономики. Попытка перейти к рыночной экономике одним махом (за 500 дней или путем ускоренной приватизации базовых отраслей экономики) до создания развитой системы хозяйственного, финансового, налогового, трудового и другого права приводит к всеобщей коррупции и криминализации общества.

Примером консервативного подхода к решению экономических проблем можно считать политику М. Тэтчер в Великобритании и Ли-Куан-Ю в Сингапуре во второй половине XX века. Им удалось осуществить коренные преобразования, которые повысили конкурентоспособность экономики, без каких-либо революций. М. Тэтчер выделила пять условий эффективной работы, успешно обслуживающей индивидуальные и общественные интересы всех участников экономических отношений²⁵: защиту частной собственности, господство права, культуру предпринимательства, разнообразие независимых и конкурирующих политических сил, благоприятное налогообложение и регулирование. При этом по ее мнению, «попытки реформировать российскую экономику постоянно спотыкались о беззаконие во всех его проявлениях»²⁶, что мешало использовать главное богатство России — миллионы молодых инициативных предпринимателей.

В опыте Сингапура следует выделить активную роль государства в рыночных преобразованиях. Стабильные законы прямого действия поддерживали справедливую конкуренцию. Государственный инвестиционный холдинг не конкурировал с частными предпринимателями, но создавал необходимую для успешного экономического роста инфраструктуру.

Стратегия развития России и других стран СНГ в XXI веке определяется сложным взаимодействием причинно-следственных связей, которые обусловлены двумя главными факторами: внутренней социально-культурной историей и внешним воздействием процессов глобализации и информатизации. Административно-командная система обеспечила создание мобилизационной экономики, которая помогла победить в Великой Отечественной войне, но она не соответствовала новым условиям перехода к постиндустриальной информационной экономике, основанной на знаниях свободных людей. Коренная реформа экономических отношений стала объективно необходимой, ее нельзя было откладывать. Однако для проведения такой реформы требовался определенный культурный и политический уровень, которого еще надо было достичь. Поскольку из-за гонки вооружений и падения цен на экспортируемое ею сырье Россия не располагала финансовыми ресурсами, реформа проводилась революционными, даже большевистскими методами: шоковая либерализация цен, единовременная ликвидация монополии внешней торговли, ускоренная приватизация базовых отраслей промышленности на основе залоговых аукционов и прочих полузаконных мер. Общество в странах СНГ не было готово к таким коренным переменам, тем более что их стратегия практически не разъяснялась. Все это, прежде всего, разрушило высокотехнологичный комплекс с его сложившимися хозяйственными связями, породило опасное социальное и имущественное расслоение, снизило качество жизни большинства населения, нарушило многие традиции сотрудничества людей.

Примером консервативной, построенной на постепенных структурных реформах экономической политики можно считать Китай. Приватизация тяжелой промышленности и финансового сектора, начатая в 70-х гг. XX века, еще не завершена. Преобладают государственные предприятия, которые, однако, призваны

действовать на рентабельной коммерческой основе. Государство постепенно, в течение 20–30 лет, вырабатывает рыночные структуры, инвестируя конкретные целевые программы, связанные в первую очередь с медициной, наукой, образованием и культурой. Особые экономические зоны с капиталистической системой хозяйствования были отделены от основной территории Китая.

Но эта модель не является универсальной. Она дает хорошие результаты лишь при сохранении монопольного положения партии власти, многочисленном и трудолюбивом сельском населении, продовольственном самообеспечении, большом экспортном потенциале, основанном на низкой цене рабочей силы и зарубежных инвестициях из не связанных с МВФ источников, в том числе от китайской диаспоры.

Специфика экономического и социального развития стран СНГ требует выбора особой, евразийской антикризисной стратегии. Она не отрицает монетарный и институциональный опыт, а синтезирует его. При этом для реализации этой консервативной стратегии необходимы следующие условия:

- 1) внутриполитическая стабильность, основанная на идеологии, разделяемой большинством граждан, сохранение и в кризисных условиях среднего класса, контроль за дифференциацией доходов;
- 2) развитие смешанной и диверсифицированной экономики при многообразии и равноправии форм собственности, твердой правовой и правоохранительной базе, ясной для народа и комплексной антикризисной программе;
- 3) содействие сбережениям населения и инвестициям в национальную экономику, контроль над инфляцией и состоянием госбюджета;
- 4) широкое государственное инвестирование в наукоемкие производства, развитие инфраструктуры, образования, здравоохранения, решение социальных проблем, возрождение села, демографическая стабилизация (для достижения этих целей в России реализуются приоритетные национальные проекты);
- 5) наступательная стратегия на международных экспортных рынках при ориентации производства преимущественно на внутренний спрос, привлечение прямых иностранных инвестиций в конкретные проекты на взаимовыгодной основе.

Скорректированный и ориентированный на опережающее, а не догоняющее развитие России и ее союзников курс реформ может базироваться на принципах политической экономии консерватизма как на методологии разработки и реализации антикризисной программы:

1. Прогрессивность, то есть нацеленность на переход к новым формам цивилизации, в основе которых лежат наука, образование и информационные технологии XXI века, а не возврат к уже пройденным этапам, стихийному рынку XIX века или ресурсно-сырьевой модели, ориентированной на экспорт низкотехнологичной продукции и заимствования на внешних финансовых рынках.
2. Преемственность, то есть опора на все лучшее, что было создано раньше, — крупные научно-производственные комплексы как среднее звено управления, государственная поддержка культуры, образования, здравоохранения, науки. Стремление разрушить «до основания, а затем...» ни раньше, ни теперь никому не принесло успеха. Успешные реформы несовместимы с навязыванием обществу крайностей, экстремизмом, разжиганием вражды и ненависти, попытками вычеркнуть из истории «плохие периоды».
3. Политико-экономический характер структурных реформ, означающий неэффективность чисто экономических решений, необходимость учета и согласования интересов всех социальных групп и регионов, справедливое распределение неизбежных тягот кризиса, контроль над дифференциацией доходов, преодоление коррупции, теневой экономики и ликвидацию мафиозных групп в отдельных регионах и слоях общества, повседневное разъяснение народу смысла, перспектив и ожидаемых результатов происходящих перемен (последнее особенно важно в странах СНГ, народы которых веками верили в идею, прозорливость и моральные качества своих лидеров).

Главная задача политической экономии либерального консерватизма — обосновать пути скорейшего проведения структурных реформ, призванных перевести Россию и другие страны СНГ с ресурсно-сырьевого пути развития экономики, когда основные доходы формируются за счет добычи и экспорта невоспроизводимых природных ресурсов и продуктов их первичной переработки, к инновационной модели, к экономике знаний, при которой страна живет за счет собственного труда и опоры на высокие технологии.

Россия и СНГ в целом, несмотря на кризис высокотехнологичных отраслей в 90-е годы XX века, все еще располагают развитыми наукой, образованием и промышленностью. Нет только инновационной системы, организационно-экономического механизма, связывающего науку и производство, которые сегодня практически не нужны друг другу. Россия все еще опережает другие страны мира по числу ученых в области естественных и технических наук. Однако эти ученые работают в основном не на Россию и СНГ, а на другие государства, которые, заимствуют и широко внедряют в свою экономику их идеи. Таким образом, СНГ экспортирует в глобальных масштабах не только сырье, но и молодых ученых, а ввозит дорогостоящую технику и потребительские товары. В самой же России внедряется лишь около 2% изобретений, тогда как в развитых странах — 30%. Как отметил В.В. Путин, доля России на мировом рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции в 2009 г. составляет всего 0,5 % (США — 36%, Япония — 30%). Еще хуже положение других стран СНГ.

Как решать эту коренную для России и стран СНГ проблему? Некоторые ученые полагают, что все дело в финансировании, и государство увеличивает расходы на науку. Но это не решит проблему. Главное сегодня — коммерциализация разработок, возврат вложенных средств, создание устойчивого спроса на нововведения со стороны предприятий, т.е. институциональные преобразования. Для их проведения необходимы административная, военная, жилищно-коммунальная, пенсионная, финансовая, судебная и другие реформы. Их суть — в переходе к структурным преобразованиям, рассчитанным на решительное повышение качества жизни народа и развитие гражданского общества. Темпы экономического роста при этом — не самоцель, а лишь средство социального прогресса, обеспечивающего равенство возможностей, успех и лучшую жизнь для всех. Эта задача до сих пор не была решена, разрыв в социально-экономическом развитии регионов России и других стран СНГ, уровень жизни различных социальных групп, возникший в 90-х гг. XX века, угрожает консолидации и единству общества.

Речь вовсе не идет об умалении роли решения узкоэкономических задач, например, инвестиционного сотрудничества в добыче и транспортировке энергоресурсов²⁷. Напротив, только структурные реформы в экономике, переход от сырьевой (природная рента до сих пор — главный источник доходов и фактор экономического роста в России) к инновационной модели развития экономики, основанной на производстве продукции с высокой добавленной стоимостью за счет лучшего использования интеллектуального и научного потенциала России и других стран СНГ, обеспечит укрепление гражданского общества и достижение европейских стандартов качества жизни.

Политическая экономия современного либерального консерватизма основное внимание обращает не на конкретно-экономические факторы, а на социально-экономические цели общественного развития. К ним относятся, прежде всего, упрочение демократических ценностей, превращение каждого государства СНГ в свободную страну свободных людей, активизация общественного контроля и гражданских институтов. Особое значение имеет создание подлинно независимого суда, милиции, которой доверяет население, устойчивой партийно-политической системы. Развитие государства несовместимо с передачей страны в распоряжение неэффективной коррумпированной бюрократии, чиновников, которые рассматривают свою деятельность как вид бизнеса. Освобождение государства от избыточных административно-разрешительных функций позволит ему сконцентрировать ресурсы на решении стратегических задач. Важнейшие из них на современном этапе — создание условий для демократической стабильности и эффективной занятости всех трудоспособных людей, развитие малого и среднего бизнеса, расширение прав и ответственности регионов и муниципальных образований, налаживание взаимовыгодных внешнеэкономических связей, формирование в СНГ единого экономического, образовательного и гуманитарного пространства, условий для миграции квалифицированных и способных интегрироваться в новую культуру кадров. Выход из кризиса означает не возврат к прежней модели, а создание нового социально-экономического порядка, выращивание новых социальных институтов.

Взаимное доверие власти, населения и бизнеса — ключ к решению экономических проблем, таких как утечка капитала и мозгов, создание равной справедливой конкуренции и устранение монополизма, улучшение инвестиционного и инновационного климата. Необходимо легализовать выведенный в

оффшоры капитал, вернуть в Россию штаб-квартиры крупного бизнеса, изменить систему налогового администрирования. С 2009 г. отменены многократные проверки и другие меры, которые терроризировали малый и средний бизнес; несмотря на кризис, обеспечено значительное повышение реальной зарплаты бюджетников, пенсий, стипендий и пособий.

Политическая экономия либерального консерватизма исходит из того, что только свободный человек способен обеспечить выход из кризиса, процветание государства, экономический рост и переход к принципиально лучшему качеству жизни. Антикризисная программа включает политические преобразования: во-первых, создание правовой основы государственных (федеративных) и муниципальных отношений, в которой каждый гражданин непосредственно влияет на принятие касающихся его решений и может реально требовать тот уровень и качество услуг, которые ему обязаны предоставить власти; во-вторых, переход к цивилизованной политической конкуренции крупных и авторитетных политических партий; в-третьих, создание гражданского общества, способного обеспечить незыблемость демократических устоев, гарантий прав и свобод гражданина как высшей ценности, определяющей смысл и содержание функций государства; в-четвертых, подлинно свободные и ответственные средства массовой информации, имеющие должную правовую и экономическую базу; в-пятых, преобразование судебной системы и правоохранительных органов.

С момента начала строительства демократического гражданского общества в странах СНГ прошло лишь 20 лет. В США, например, первые сто лет демократии еще сохранялось рабство, 150 лет не было избирательного права для женщин и 190 лет — для афроамериканцев. Странам СНГ предстоит еще долгий путь к современному европейскому гражданскому обществу, при этом евразийские формы демократии должны учитывать собственный опыт и традиции, не копируя полностью зарубежные образцы.

Нельзя забывать также, что существуют американский, японский, китайский, скандинавский и другие пути экономического развития. В этих условиях Россия не может просто «войти в пространство западного общества, прочно закрепиться в нем»²⁸. Нужно проникать в сущность современных социально-экономических явлений, интегрироваться в мировую экономику, руководствуясь при этом и собственным опытом.

В экономической литературе высказываются противоположные точки зрения о путях развития СНГ в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Одни авторы — радикалы-антизападники, справедливо отмечая превращение стран СНГ в ресурсный придаток мирового рынка, падение взаимного товарооборота и межгосударственного сотрудничества стран СНГ, связывают это в первую очередь с антироссийской политикой западных государств, поскольку укрепление экономики России и стран СНГ противоречит жизненным интересам западного капитала²⁹. Они стремятся показать бесперспективность прорыва на Запад стран СНГ, роль Запада в развале СССР. По мнению этой группы экономистов: «Нам не нужен Запад с его кредитами, на самом деле он лишь мешает. Мы самодостаточны». Россия должна выдвинуть свою альтернативу, которая вызовет наибольший интерес у развивающихся стран, среди которых многие не испытывают восторга от рыночной экономики и западных ценностей, западного образа жизни. Россия не должна становиться частью Запада. Россия должна создать свою незападную систему, «поскольку эта система лопнет в очень недалеком будущем»³⁰.

В кризисные годы эти взгляды получили широкое распространение.

Противоположная позиция, наиболее активно защищаемая А. Илларионовым, Б. Немцовым и другими радикал-либералами, исходит из необходимости превращения России и СНГ в органическую и открытую часть глобального рынка на основе заимствования западных образцов и всемерного ограничения роли государства в экономике. Эта группа политиков и экономистов резко выступила против создания государственных корпораций, национальных проектов и программы инновационного преобразования экономики, против поддержки предприятий в условиях кризиса. Укрепление государства и развитие демократии рассматривается по сути дела как взаимоисключающие задачи.

Это требует ответа на вопрос, какой смысл политэкономия консерватизма вкладывает в понятие евразийского пути развития России и стран СНГ. На наш взгляд, евразийская модель экономики может быть только европейской моделью, серьезно адаптированной к условиям России и СНГ. Она не может бази-

роваться лишь на азиатских ценностях, не может быть продуктом эклектического соединения европейских и азиатских форм. Это, прежде всего, модель, основанная на европейских ценностях, в том числе и на европейском политэкономическом подходе, но учитывающем евразийские реалии (территориально-отраслевые особенности, советское экономическое наследие, отличие православной и мусульманской этики от ценностей господствующей на Западе протестантской религии и т.д.). За исключением Норвегии, все европейские страны — это потребители энерго-сырьевых ресурсов. Очевидно, что уже только поэтому экономика России, как ведущей мировой энергетической державы, не может не отличаться от экономики Франции или Германии. Огромная территория России, ее природные богатства предполагают иное отношение к развитию транспортно-коммуникационной сферы, миграции, оборонной составляющей. В этом плане, евразийская экономическая модель, оставаясь в основе своей европейской, не может не учитывать американско-канадский или китайский опыт. Нельзя не считаться и с неприятием православием и исламом духа стяжательства, отождествляемого с рынком.

Политическая экономия консерватизма исходит из необходимости укреплять государство, не жертвуя демократическими принципами, интегрироваться в мировую экономику, не перенимая механически социально-экономические институты, сложившиеся в иных исторических условиях. Как справедливо отметил Р.С. Гринберг, при этом не обязательно впадать в антиамериканизм и оголтелое антизападничество в советском духе, чтобы вновь попробовать самобытный вариант развития со всеми его печальными последствиями. Нужно постараться спасти и развить все лучшее, что было создано в советское время: интеллектуальный потенциал, качественное высшее образование, высокий статус рационального мышления, достаточно мощную обрабатывающую промышленность при свойственном западноевропейскому подходу жесткому разграничению сфер функционирования и ответственности частного капитала и государства.

Подсистемы рыночной экономики (государственное регулирование, финансово-кредитная система, структура управления корпорациями, стиль и правовое обеспечение менеджмента, формы занятости и социальной защиты) взаимосвязаны, согласованы и дополняют друг друга. Поэтому беспочвенны попытки сконструировать устойчивую экономическую систему на основе элементов, произвольно подобранных из разных национальных систем. Россия и страны СНГ, адаптируя передовой мировой опыт, в т.ч. опыт преодоления кризиса, должны учитывать это обстоятельство. Так, полная либерализация цен (включая сектор естественных монополий и товары особой социальной значимости) неэффективна при отсутствии имеющего место, например, в скандинавских странах развитого конкурентного рынка и адресной социальной защиты нетрудоспособных граждан.

Россия — в отличие от Индии и Китая — большое, но не самодостаточное государство. Для нормального функционирования и развития рынка в рамках единого экономического пространства должно проживать не менее 300–350 млн человек. Поэтому для консолидации постсоветского пространства Россия должна инициировать комплексную программу структурной перестройки всей постсоветской экономики на основе тщательно отобранных приоритетов и широкого распространения современных технологий, создать «коллективную заинтересованность в групповом обособлении заинтересованных стран СНГ с целью организации и развития собственных ТНК или финансово-промышленных групп, способных участвовать в глобализации экономики в качестве субъектов, а не объектов этого процесса»³¹.

Интеграция России со странами СНГ — необходимое условие выхода из кризиса и интеграции этих стран на равных в мировую, прежде всего, западную экономику. Поэтому представляется надуманной господствующая в общественном сознании дилемма: или Европейский Союз, или СНГ, ядром которого является Россия. Кратчайший путь стран СНГ к тесному сотрудничеству с Европейским Союзом лежит через укрепление связей с ведущим государством Содружества — Российской Федерацией. В условиях кризиса Россия оказывает финансовую помощь Беларуси, Кыргызстану и ряду других стран СНГ, предоставляя им льготные долгосрочные кредиты. Но главную помощь окажет создание единой образовательно-инновационной системы, региональной резервной валюты, экономическая интеграция.

Европейский Союз — это объединение бедных природными ресурсами стран, поэтому он имеет отрицательное торговое сальдо со всеми ведущими межгосударственными объединениями (НА-

ФТА, АСЕАН, СНГ). Для повышения конкурентоспособности Европейского Союза объективно необходимо соединить его финансовый и технологический потенциал с богатейшими природными ресурсами и фундаментальной наукой, Российской Федерации. Это и делается в ходе реализации Соглашения о создании общеевропейского пространства с Россией в четырех сферах. Таким образом, не вступая в Европейский Союз, Российская Федерация становится «большой Норвегией», т.е. его особым, привилегированным партнером. Сторонники глубокой интеграции с Россией в рамках СНГ тоже могут воспользоваться преимуществами ее особых связей с Европейским Союзом. Учитывая, что Россия уже является членом организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, через СНГ в перспективе можно выходить на рынки США, Юго-Восточной Азии, Китая, Японии. В свою очередь Россия не меньше заинтересована в экономическом союзе с обладающими колоссальными природными ресурсами и транзитными возможностями странами СНГ. Причем такой союз не только не изолирует СНГ от остального мира, но и ускорит российскую интеграцию в мировое сообщество.

Политэкономия либерального консерватизма предполагает для выхода из кризиса развитие на демократической и рыночной основах всех форм евразийской интеграции (свободной торговли, таможенного союза, общего рынка труда и капиталов, платежного союза и т.п.), обеспечивающей сохранение сложившихся еще в советское время рациональных элементов разделения труда и кооперации субъектов хозяйствования стран СНГ. Этого нельзя достичь без межгосударственного макроэкономического и финансового регулирования с учетом решений, принятых лидерами 20 ведущих государств мира в 2009 г., создания наднациональных межгосударственных институтов, которые должны обеспечить благоприятные условия для сотрудничества бизнеса и регионов Евразии.

Разгосударствление экономики означает отказ власти от оперативного управления производством путем планирования ассортимента продукции, ее сбыта, поставок и т.д., но вовсе не от управления государственным имуществом, макроэкономическим и финансовым регулированием, определения приоритетов в научно-технической, инвестиционной, внешнеэкономической политике. «Уход государства из экономики», «ликвидация государственной монополии», будь то монополия на продажу табака и водки или на экспорт стратегических ресурсов, приводит не к экономической свободе, а к хаосу, воцарению криминальных монополий и разборкам между ними. Упование на «невидимую руку рынка» в научном комплексе стран СНГ оставило на плаву лишь коммерсантов, сдающих помещения внаем и распродающих за рубеж за бесценок плоды многолетней работы своих коллективов.

Таким образом, политэкономия либерального консерватизма не предполагает метание от одной ценности к другой: от полного патернализма к абсолютному либерализму, от командно-административной экономики к стихийно-рыночной анархии, а поиск оптимального сочетания государственного и частного рыночного в антикризисной программе. При этом мерой этого сочетания выступает результат, но не краткосрочный, а долгосрочный (мировой финансово-экономический кризис как раз и обусловлен считавшейся в течение ряда лет эффективной, но эгоистической и высокорискованной политикой крупнейших финансовых компаний США и других ведущих стран мира). Сам результат экономической политики зависит от качества государственного управления и состояния рынка в стране. Бессмысленно абстрактно рассуждать сколько должно быть государственного, а сколько рыночного (40%, 60% и т.д.), не анализируя при этом в каком состоянии находится государственное управление и что из себя представляет рынок. В условиях коррумпированного государства, в котором господствует произвол чиновников, и неконкурентного, во многом монополизированного рынка любое соотношение этих величин даст отрицательный результат. И наоборот, эффективное государство, где управление осуществляется на основе демократически принятых законов, будет оптимально сосуществовать с эффективным, конкурентным рынком. Улучшение качества патерналистских и либеральных институтов в обществе объективно ведут к гармоничной форме разрешения противоречий между ними. При этом сама по себе такая гармония не возникает, она является результатом усилий государства, местного самоуправления, гражданского общества. Вытеснение государства из управления экономикой, повышение роли рынка, личности, гражданского общества воз-

можно только в эффективном правовом государстве, то есть на основе одновременного укрепления государственных начал и демократизации общества.

Политическая экономия современного либерального консерватизма, обосновывает эволюционный путь выхода из кризиса на базе качественных преобразований в обществе, опти-

мального сочетания патерналистских и либеральных форм в управлении во имя повышения качества всех сторон жизни граждан. Такая трактовка политэкономии позволяет рассматривать эту науку в качестве методологической основы для выработки антикризисной стратегии и социально-консервативной политики в России и странах СНГ.

¹ Reinhart C., Rogoff K. This time is different. A panoramic view of eight countries of financial crises // NBER working paper №13882, march 2008

² Caballero R., Fathi E., Gonrinchas R. Financial crash, comodity prices and global imbalances // NBER working paper, vol.14521. Dec.2008.

³ Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. М.: ГУУ, 2008.

⁴ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202221.shtml>

⁵ Назарбаев Н. Ключи от кризиса // Российская газета. 2.02.2009 г.

⁶ <http://www.government.ru/content/governmentactivity/mainnews/archive/2009/01/28/5825465.htm>

⁷ Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопр. экономики. 2009. №1.

⁸ Макаров С.П. Основы теории государственного видения национальной экономики. М., 2005.

⁹ Быков П. Перспективы либерального консерватизма в России // Эксперт. 2007. № 13.

¹⁰ Мау В. Драма 2008 г. от экономического чуда к экономическому кризису // Вопр. экономики. 2009. № 2.

¹¹ Акинин А.А., Шевелев А.А. По пути к либерально-консервативной парадигме развития России // Проблемы соврем. экономики. 2008. № 4.

¹² Бляхман Л.С. От глобального кризиса к новой экономической системе // Проблемы соврем. экономики. 2009. № 2.

¹³ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Идеология экономической политики. М.: «Научный эксперимент», 2008. — 288 с.

¹⁴ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS, 1993. Вып. 1. С.18.

¹⁵ Миропольский Д. Ю. Хозяйственная система: исходные принципы функционирования. СПб., 2004. С.311.

¹⁶ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992.

¹⁷ Корнаи Я. Путь к свободной экономике М., 1990.

¹⁸ Lucas R. E. Studies in Business Cycle. Theory. L., 1998.

¹⁹ Evary P., Oietrich R., Locpol T. Bringing the State back. Oxford, 1985.

²⁰ Soros G. Open Society. The crisis of global capitalism reconsidered. Public Affair Press, 2000.

²¹ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX-XX вв. СПб, 1998.

²² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

²³ Словарь иностранных слов. СПб., 2004. С. 320, 532, 757–760.

²⁴ Смирнов И.К., Маниапов Г.М. Экономическая свобода и социальная защищенность. СПб, 2004. С. 22.

²⁵ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 447–453.

²⁶ Там же. С.105.

²⁷ Гуляев М.Е. Стратегия инвестиционного сотрудничества нефтедобывающих стран СНГ в условиях экономической глобализации. — СПб.: Изд-во СПб УЭФ, 2008 — 243 с.

²⁸ Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 41.

²⁹ Козик А.П., Кохно П.А. СНГ: реалии и перспективы. М., 2001. С.7.

³⁰ Соколин Б.М. Антикризисная экономика России: начало тысячелетия. СПб., 2000. С. 5.

³¹ Гринберг Р.С. Россия должна быть органической частью цивилизованного мира // Евразийская интеграция. 2007. № 2. С. 9.